ИЗЪ ДНЕВНИКА НИКОЛАЯ АЛЕКСѢЕВИЧА МУХАНОВА [1].

16 Juin 1832.

Вяземскій m'apprend que Дашковъ, ayant reçu une note à mon égard du prince Serge [2]), dans laquelle j'étais désigné comme коллежскій ассесоръ, a dit que la chose était impossible. Il lui écrit sur-le-champ pour le désabuser. Il me propose de me mener chez Dehay, qui m'arrangera tout. Les ministres, si libéraux et si bien intentionnés, n'ont de l'homme que la figure, et encore bien imparfaite. Il pensent qu'ils sont des divinités et qu'ils font un bien grand honneur à ces places, parce qu'ils ont bien voulu les accepter. Ce que l'Empereur promet, ils le refusent, et ils sont inaccessibles, introuvables, invisibles. Personne n'a accès près d'eux, et ils ne sont libéraux que de refus. Cela révolte le monde et fait naître beaucoup de malveillance. On dit que Bloudoff est tout autre; cependant j'ai fait pendant trois jours antichambre pour pouvoir me présenter à lui et être admis pour un quart d'heure. Вяземскій m'a paru exaspéré et furieux de la brochure de Мещерскій.

23 Іюня. Рожденіе мое. 30 лѣтъ. Не имѣю привычки его праздновать. Грустно что-то по Москвѣ. Вечеръ у Уварова, который читалъ мнѣ окончаніе своего манускрипта.

24. Писалъ домой и Кристину. Въ 5 часовъ поѣхалъ обѣдать къ В. Пушкину [3]) съ двумя графинями прелестными. Aurore. Пушкинъ Александръ, Вяземскій, А. Толстой. Вмѣстѣ съ Вяземскимъ къ Блудову, въ городѣ не застали; къ нему же на дачу, не застали и тамъ. Вяземскій написалъ ему весьма убѣдительную записку, прося его устроить съ

---

[1]) Подлинникъ (карманная въ кожѣ записанная книжка) хранится въ Москвѣ, въ Музеѣ Петра Ивановича Щукина. Н. А. Мухановъ, старшій братъ Владимира Алексѣевича, съ дневникомъ котораго знакомы читатели „Русскаго Архива", пріѣзжалъ въ 1832 году изъ Москвы въ Петербургъ искать мѣста по службѣ. П. Б.

[2]) Князя С. М. Голицына, который былъ тогда попечителемъ Московскаго учебнаго округа. П. Б.

[3]) Т. е. къ графу Владимиру Алексѣевичу Мусину-Пушкину. П. Б.

Дашковымъ дѣло мое. Они должны были ѣхать вмѣстѣ въ Петергофъ, и В. желалъ выиграть это время, дабы они дорогой все кончили. Отъ Блудова я завезъ В. на Каменный островъ къ Смирновымъ и поѣхалъ къ Вулгакову, гдѣ и кончилъ вечеръ. Играли въ карты, было очень жарко и довольно скучно. Дорогой у насъ былъ весьма любопытный разговоръ о Д. и Б., какъ прiятеляхъ князя Вяземскаго; но онъ однакоже мнѣ говорилъ, что они вовсе не на своихъ мѣстахъ и что не надо многаго отъ нихъ ожидать, особенно отъ Б., не имѣющаго никакой énergie, que ce ne sont pas des hommes d'action, что ихъ мѣсто статсъ-секретарей и не болѣе, qu'ils n'ont aucun système et ne songent pas aux véritables plaies du pays.

25. Всталъ поздно. Пришелъ Пушкинъ, долго просидѣлъ у меня. Добрый малый, но часто весьма.

26. Узналъ о смерти Елены Гр. Чертковой, бывшей Строгановой. Очень о ней сожалѣютъ.

29. Къ Вяземскому поздравить съ именинами. Нашелъ у него Полуектову и Александра Пушкина. Она осталась чужда разговору, который продолжался между мною и Пушкинымъ о новѣйшей литературѣ и новопышедшихъ въ свѣтъ книгахъ. Онъ находитъ, что лучшая изъ нихъ Table de nuit, Musset. Я спросилъ мнѣнiя его о Дюмонѣ, котораго еще не читалъ, но онъ извѣстенъ мнѣ по критикѣ Débats и по мнѣнiю нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ. Пушкинъ очень хвалитъ Дюмона, а Вяземскiй позоритъ, изъ чего вышелъ самый жаркiй споръ. Я совершенно мнѣнiя Пушкина по его доводамъ и справедливости заключенiй. Оба они выходили изъ себя, горячились и кричали. Вяземскiй говорилъ, что Дюмонъ старался похитить всю славу Мирабо. Пушкинъ утверждалъ, напротивъ, что онъ извѣстенъ своимъ самоотверженiемъ, коему далъ примѣръ переводомъ Бентама, что онъ высказываетъ Мирабо во внутренней его жизни, и потому весьма интересенъ, что Jules Janin вретъ, что Французы презрительны, что таланта истиннаго въ нихъ нѣтъ, что лучшiе ихъ таланты не Французы, что Мирабо не Французъ, что Journal des Débats нельзя принимать за мнѣнiе всей Францiи, и что ея мнѣнiе даже невѣрно и пр. Споръ усиливался. Полуектова непримѣтно скрылась въ пылу онаго; наконецъ пришелъ человѣкъ объявить, что прiѣхалъ Д. Н. Блудовъ. Вылъ принятъ, говорилъ плодовито, скоро. Всѣ предметы ему весьма знакомы. Разговоръ сперва имѣлъ предметомъ смерть Чертковой, потомъ коснулся пожара *). Сгорѣло 280 домовъ, изъ коихъ застрахованныхъ было только на 330 т., а мостовыя окого сего квартала были сломаны, въ

*) Д. Н. Блудовъ былъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ. П. Б.

передѣлкахъ: потому полиція не могла оказать столь скорую помощь, каковую слѣдовало. Какіе онъ думаетъ по сему предмету сдѣлать постановленія? Самыя пустыя. Колодцы и запрещеніе держать у себя на дому горючія вещества иначе какъ въ самомъ маломъ количествѣ. Поводъ къ злоупотребленіямъ. ОбъАнгліи, о нѣкоторыхъ лицахъ ему извѣстныхъ во время его тамъ 10 лѣтъ (назадъ) пребыванія. Сказалъ Пушкину, что онъ о немъ говорилъ Государю и просилъ ему жалованья, которое давно назначено, а никто давать не хочетъ. Государь приказалъ переговорить съ Нессельродомъ. Странный отвѣтъ: я желалъ бы, чтобы жалованье выдавалось отъ Бенкендорфа.—Почему же не отъ васъ? Не все-ли равно, изъ одного ящика или изъ другаго?—Для того, чтобы *избѣжать дурнаго примѣра*. Помилуйте, возразилъ Блудовъ, ежели бы такой примѣръ породилъ намъ хоть новаго Бахчисарайскаго Фонтана, то ужъ было бы счастливо. Мы очень сему смѣялись. Пушкинъ будетъ издавать газету (Б. выпросилъ у Государя на сіе позволеніе) подъ заглавіемъ Вѣстникъ, газета политическая и литературная; будетъ давать самыя скорыя свѣдѣнія изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Пушкинъ, говорившій до сего разговора весьма свободно и непринужденно, послѣ онаго тотчасъ смѣшался и убѣжалъ. В. подалъ Б. письмо читать. Мнѣ нельзя было оставаться изъ скромности, и я ушелъ. Пушкинъ обѣщалъ свести его съ Толстымъ [1]). Черезъ нѣсколько времени (я) заѣхалъ опять къ Вяземскому и узналъ отказъ.

30. Въ 9 часовъ къ Толстому для свиданія съ Панинымъ [2]) который меня удивилъ и порадовалъ живостью и горячностью, съ коими хлопоталъ за меня противно своему правилу ни за кого у министра не ходатайствовать. Рѣшили просить Бенкендорфа и Орлова говорить Государю.

1-го. Заѣхалъ къ Толстому. Поѣхали вмѣстѣ обѣдать къ Панину, на дачу; обѣдали втроемъ. Панинъ много говорилъ про Дашкова, все съ хорошей стороны. О Каподистріи очень дурно отзывался. Говорилъ, что онъ совсѣмъ противное былъ своей репутаціи, которая приписывала ему великую душу и много благородства; что онъ былъ безсовѣстный, хитрый и коварный Грекъ; что нѣкоторыхъ противныхъ ему начальниковъ партій, которыхъ онъ очень боялся, онъ зазвалъ дружески къ себѣ и, когда они пріѣхали на этотъ вызовъ, онъ на возвратномъ пути ихъ перехваталъ и заключилъ въ темницы; что ему Панину онъ неоднократно лгалъ. Между прочимъ онъ далъ свое

---

[1]) Графомъ Александромъ Петровичемъ. П. Б.

[2]) Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, служившій передъ тѣмъ по дипломатіи, въ Греціи, состоялъ тогда чиновникомъ при министрѣ юстиціи Д. В. Дашковѣ. П. Б.

честное слово, что на выборъ Леопольда на царство не будетъ сопротивленія Сената и увѣрялъ до послѣдней минуты, наконецъ уѣхалъ потихоньку, и въ отсутствіе его Сенатъ подалъ адресъ отвергательный. Желаніе его или намѣреніе воцариться. Табакерка и часы. Скупость. Онъ самъ поведеніемъ своимъ навлекъ несчастный случай, постигшій его. Вспыльчивость и заносчивость его, иногда злость. Временами былъ съ Панинымъ довольно хорошъ; но если онъ вообще такъ дурно обходился съ представителемъ столь сильной и великой державы, каково же его обращеніе было съ другими?

За столомъ еще былъ разговоръ о дѣлахъ сенатскихъ, о сношеніи его съ Дашковымъ. Онъ упреждаетъ ему пріемъ просителей. Совѣтуетъ болѣе ничего не предпринимать. Неудовольствіе, скука, грусть, досада волновали меня остатокъ дня. Гулялъ съ Толстымъ и Уваровымъ пѣшкомъ. Вечеръ кончилъ у Уварова tête-à-tête. Колкость рѣчей моихъ его немного замѣшивала и сердила. Я ему доказывалъ, что такое министерство, въ чемъ состоитъ самолюбіе. Онъ спорилъ весьма слабо, хотя сердился, много говорилъ и кричалъ насчетъ князя Сергія Михаиловича и Голохвастова. Онъ себя увѣряетъ, что Голохвастовъ *) не участвуетъ и что это надо князю. Я говорю, что князь никогда не просилъ, чтобъ его утверждали, а желалъ только, чтобы онъ управлялъ его мѣстомъ во время отсутствія.

2 Іюля. Былъ у насъ А. П. Алединскій. Онъ грустенъ. потому что считаютъ контору Великаго Князя. Обѣдъ у Уварова съ Жмакинымъ, съ Вигелемъ, Боголюбовымъ и Шенелевскимъ. Сей послѣдній, старикъ почти 80 лѣтъ, мнѣ рекомендовался какъ знакомый батюшкинъ. Странное сборище гостей. Вигель имѣетъ гадкую репутацію, вкусы Азіатскіе, слылъ всегда шпіономъ, теперь директоръ департамента духовныхъ дѣлъ при Блудовѣ; говорятъ, что весьма умный человѣкъ и свѣдущій. Онъ говорилъ, что желалъ бы, чтобъ Жмакину (коего часть департамента переходитъ къ Герцогу) отдали департаментъ графа А. Т., а сему послѣднему департаментъ духовной; а его Вигеля чтобъ посадили въ совѣтъ министра. Говорятъ, что онъ желаетъ сего и потому, что онъ очень лѣнивъ. О Вигелѣ графъ Александръ Т. большаго понятія. Говоритъ, что мало людей столь здраво-мыслящихъ. Это потому, что Вигель мыслей самыхъ монархическихъ, даже деспотическихъ. Послѣ обѣда былъ разговоръ о Полевомъ. Я сказалъ свое мнѣніе. Вигель полагаетъ, что его Вяземскій сдѣлалъ республиканцемъ, и при семъ случаѣ отзывался о Вяземскомъ съ нѣкоторымъ презрѣ-

*) Помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа Д. П. Голохвастовъ, главный работникъ по составленію Университетскаго Устава 1835 года. П. Б.

ніемъ, говоря, что это пустой человѣкъ. Я вступился и нѣсколько его отщелкалъ. Я узналъ потомъ, что Вигель чѣмъ сильнѣе говоритъ, тѣмъ легче потомъ отступаетъ отъ своихъ мнѣній. Пошли вмѣстѣ съ Уваровымъ къ Гурьевымъ. Уваровъ въ радости, что дочь его фрейлина. Онъ предлагаетъ дѣло довести до свѣдѣнія Государя чрезъ Бенкендорфа [1]). Не вѣрю возможности сего. Толстой давно предлагаетъ порученіе внутри Россіи.

4. Поѣхалъ къ Пушкину. Видѣлъ у него Плетнева и статую Екатерины, весьма замѣчательную. Говорили о его газетѣ. Мысли его самыя здравыя. Онъ либеральный, анти-полевой, ненавидитъ духъ журналовъ нашихъ. Обѣщалъ быть ко мнѣ на другой день. Онъ очень созрѣлъ.

5. Пришелъ Александръ Пушкинъ. Говорили долго о газетѣ его. Онъ издавать ее намѣренъ съ Сентября или Октября; но врядъ ли поспѣетъ. Нѣтъ еще сотрудника. О Погодинѣ. Онъ его желаетъ; хочетъ мнѣ дать къ нему порученіе. О Вяземскомъ онъ сказалъ, что онъ человѣкъ ожесточенный, aigri, который не любитъ Россію, потому что она ему не по вкусу; о презрѣнія его къ Русскимъ журналамъ. о Андросовѣ и статьѣ Погодина о немъ. Толстой говорилъ, что Андросовъ презираетъ Россію, о несчастномъ уничиженіи, съ которымъ писатели наши говорятъ объ отечествѣ, что въ нихъ оппозиція не правительству, а отечеству. Пушкинъ очень сіе апробовалъ и говорилъ, что надо объ этомъ сдѣлать статью журнальную. Пушкинъ говорилъ долго. Квасной патріотизмъ. Цѣль его журнала, какъ онъ ее понимаетъ, доказать правительству, что оно можетъ имѣть дѣло съ людьми хорошими, а не съ литературными шельмами, какъ доселѣ было. Водворить хочетъ новую систему. Я много ожидаю добра отъ сего журнала.

7. Vive dispute avec Ouvaroff à cause du journal de Pouchkine. Il est blessé que la permission lui ait été accordée par le ministère de l'intérieur et non par le sien. Il soutient, que Pouchkine ne saura jamais rédiger un beau journal, manque de sa caractère, de tenacité, d'application préparatifs, qu'un journal nécessite. Il a raison d'un côté.

Avec Ouvaroff soirée chez les Pouchkine. [2]) La diplomatie réunie. Grande affluence et désagréable des Polonais. Tous les salons en sont innondés. Je crois qu'ils sont des gens dangereux et fininont par faire quelques intrigues préjudiciables.

---

[1]) Самъ С. С. Уваровъ (тогда еще не графъ) получилъ мѣсто министра, благодаря Бенкендорфу. П. Б.

[2]) Т. е. у графа и графини (ур. Шериваль) Пушкиныхъ. П. Б.